

Уже двенадцатый день. Но Долина Карлис всё еще не позади.

То место, что называют глубоким морем, куда точнее было бы назвать глубоким озером. На дне царит непроглядная тьма, и сейчас они стояли на самом берегу. Быть может, скоро придется спуститься и на дно озера.

— Осталось два дня пути.

— М-м, Муянь. У меня есть к тебе один вопрос. Эти дни в дороге сильно утомили Яфэй и телом, и душой. Несколько раз она даже чуть не рассталась с жизнью.

— Какой вопрос? За это время он уже успел довольно хорошо узнать Яфэй. И ее боевые навыки, и манеры глубоко притягивали его, не оставляя возможности сопротивляться этому чувству.

— Почему ты тогда согласился пойти со мной в Долину Карлис? Здесь так опасно, что она ни за что и никогда не взяла бы с собой человека с непонятным уровнем культивации.

— Сам не знаю, наверное, яд в семейной коллекции поднадоел этому малышу, и он захотел свежего лакомства. В тот день он и сам не понимал, почему ляпнул такое. Он знал лишь одно: то, что он сейчас сказал — всего лишь предлог.

— Ладно. Выходит, ты даже толком не разобрался, какова моя сила, и всё равно поперся со мной? Если это действительно так, то она явно переоценивала умственные способности этого парня.

— Ну, типа того. Муянь кивнул, совершенно не желая развивать эту тему.

— Хуашан Муянь, если однажды ты окажешься при смерти, ну, как Му Сяньчэнь, как думаешь, стану ли я так сильно рисковать, чтобы спасти тебя?

— Не знаю. Но в самом глубоко спрятанном уголке сердца всё же теплился крошечный огонек надежды.

— Если ты дойдешь до такого состояния, я обязательно приду тебя спасти. За эти дни Хуашан Муянь спасал ее далеко не раз.

Надежда получила отклик, и настроение Хуашан Муяня мгновенно улучшилось. Внезапно ему захотелось полюбить эту женщину. Вкус первых запретных плодов был невероятно пьянящим, и постепенно смутное восхищение Яфэй переплавлялось в искреннее чувство.

— Если ты окажешься при смерти, думаю, я тоже тебя спасу.

— Я верю тебе.

— Пойдем дальше, еще два дня — и мы на месте.

— Угу.

Глубокое побережье Карлис

— Муань, ты уверен, что в этом месте действительно водятся серебряные змеи?

Всё поле зрения заволакивало густое, молочно-белое туманное марево. Перед ними раскинулся стоячий водоем. И это то самое Глубокое побережье Карлис?

— Именно здесь, ошибки быть не может.

— Но какое же это побережье? Чистое стоячее болото! И когда только рассеется этот туман вокруг?

— Впереди стоит каменная стела, и на ней черным по белому написано: Глубокое побережье Карлис. Этот туман не рассеивается круглый год.

Муань терпеливо пояснил:

И правда, совсем неподалеку возвышалась каменная стела. На камне действительно четко вырисовывались шесть иероглифов: Глубокое побережье Карлис.

— И впрямь стела.

— Когда-то я уже видел здесь серебряную змею. Причем самца.

— Что ж, пожелаем нам удачи! Яфэй никогда не сравнивала прошлое с настоящим. — Только вот, кажется, опасных ядовитых тварей здесь не так уж много.

Оглядев пустые окрестности, она ни за что не поверила бы, что здесь могут прятаться ядовитые твари. К тому же в этом месте наверняка не было никакой еды.

— Здесь и впрямь не опасно, вся опасность кроется на дне озера. Там невероятно много всевозможных видов плотоядных рыб, да и в воде наши движения будут сильно скованы. К тому же, раз здесь совершенно негде спрятаться, подумай сама: где находится лучшее укрытие для серебряной змеи?

— На дне озера... Выходит, нам придется искать ее именно там?

— Верно.

— Вот это задачка. Подумать только, эту проклятую серебряную змею так трудно отыскать.

Яфэй беспомощно развела руками. Ладно, раз уж они пришли, как можно уйти без противоядия? Иначе все эти дни прошли бы впустую.

— Само озеро невелико, так что искать будет не слишком сложно.

— Хорошо, что оно маленькое. Будь оно чуть больше, мы бы точно развернулись и пошли домой. Тогда мне пришлось бы поднапрячься и уделять по одному дню в месяц на создание временного противоядия для Му Сяньчэня.

Раз уж всё свелось к такому исходу, оставалось лишь положиться на волю небес. Только вот Бай Яфэй никогда и никому не позволяла решать за себя, поэтому на сей раз она намерена идти до конца.

Они захватили всё необходимое для погружения снаряжение еще до отправления.

— Кстати говоря, кого в этом озере больше всего?

— Насколько мне известно — пираний.

— Яцин! Отвечай честно, куда это Яфэй отправилась за противоядием? Почему я пролежал столько дней, а она до сих пор не объявилась?

Му Сяньчэнь уже находился на грани полной потери контроля. Дай ему сейчас в руки нож — и он бы зарезал Яцин на месте!

— Кхе-кхе, понимаешь, Сяньчэньчик, не кипятись ты так. Я же говорил: Яфэй просто слетала в Англию за лекарством, скоро она вернется.

Яцин заискивающе заглянул в глаза Му Сяньчэню.

— На такую поездку максимум уходит неделя! Прошло уже больше десяти дней, ее до сих пор нет, да и на звонки никто не отвечает. Говори правду!

Он сам не замечал, как сходил с ума. Если бы только была возможность, он бы прямо сейчас сел на самолет, прилетел в Англию и притащил эту девчонку обратно за шкуру.

— Сяньчэнь, умоляю, сжался надо мной, я же обещал сестричке Яфэй никому ничего не рассказывать.

Лицо Яцин выражало крайнюю степень скорби.

— Живо говори, а не то я...

— Да пощади же ты меня!

Кто бы мог подумать, что этот гад очнется так рано? И кто бы мог предвидеть, что он окажется таким липким и вредным?

— Хватит болтать, выкладывай всё! Иначе я...

Му Сяньчэнь вдруг лукаво усмехнулся.

— И что же ты сделаешь?

— Расскажу всем, как ты в детстве вытирал сопли о мою одежду.

— Какие еще сопли? Когда это я вытирал о тебя сопли, ты, мразь безмозглая! Клевещешь на меня!

— Пф-ф — сопли? Яцин, подумать только, ты вытирала сопли о его одежду?

Му Чэньюэ как раз переступил порог комнаты Му Сяньчэня и услышал последние слова. Это выглядело одновременно комично и нелепо. Его Яцин была такой уморительно милой.

Лицо Яцин потемнело.

— Заткнись! Когда это я вытирала сопли о его одежду? Он всё врет!

— Ладно-ладно, раз говоришь, что не было, в следующий раз я объявлю об этом во все услышанье. Выпущу в новостях по телевизору — посмотрим, кому люди поверят: мне или тебе?

— Му Сяньчэнь, нельзя же быть таким бессовестным!

Глядя на несчастное лицо Яцин, готовое вот-вот разрыдаться, Му Чэньюэ не выдержал и вступился за нее.

— Му Сяньчэнь, ты ублюдок! Ладно, я всё расскажу, но ты должен пообещать: даже узнав правду, ты не смеешь туда соваться! Иначе мы больше не друзья.

Терпение лопнуло. Если не сказать сегодня, этот тип завтра снова заставит признаться. Уж лучше покончить с этим разом, чем тянуть кота за хвост!

— Ладно, хорошо, я не поеду.

— Яфэй ушла. В Долину Карлис.

Яцин скривил губы и всё-таки выложил правду. Сестричка Яфэй, ты уж не вини меня, во всем виноват он — прижал к стенке мою репутацию, пришлось расколотся!

— В Долину Карлис?! Как она могла туда отправиться?

Один бог ведал, насколько опасным было это место. Сам он побывал там однажды и чуть не сгинул навсегда. И пусть прошло уже три года, отправляясь он туда сейчас без предельной концентрации, шансы расстаться с жизнью оставались невероятно высокими. А она! Ради его спасения, как она могла загнать себя в столь опасное положение?

— Яцин! Почему ты не увязался с ней?

— Я и сам хотел! Но во всем виноват ты: сестричка Яфэй велела мне остаться и приглядывать за тобой, иначе бы я давно сбежал!

Яцин надул губы, изображая обиду всем своим видом.

— Это вовсе не вина Яцин, с какой стати ты на него нарываешься?!

Теперь для Му Чэньюэ Яцин была непререкаемой святыней, драгоценной жемчужиной. Разве кто-то смел на нее кричать?

— Вот именно, я ни в чем не виновата.

Яцин впервые так твердо поддержала слова Му Чэньюэ. Но погодите-ка, не замышляет ли этот гад очередную пакость? Всего пару дней назад он заявлял, что она ему нравится и они должны закрутить однополый роман. Хорошо хоть, тогда она отмахнулась от него, иначе точно угодила бы в ловушку. Только вот какую именно западню подстроил тогда Му Чэньюэ? И почему она до сих пор не может найти ответ?

— Да-да, Яцин тут совершенно ни при чем.

Му Чэньюэ бросил на Яцин двусмысленный взгляд.

— Проехали.

Яцин никогда не бывала в Долине Карлис и не понимала, насколько смертоносны тамошние места. Побывай она там хоть раз, ни за что не отпустила бы Яфэй одну. Но раз уж всё зашло так далеко, ругать Яцин больше не имело смысла. Сейчас было лучше, чтобы Яцин оставалась в неведении, иначе ее загрызет чувство вины.

Впрочем, сам он сейчас тоже не мог отправиться в Долину Карлис. Во-первых, в его собственном теле всё еще бушевал яд. Даже сумей он добраться туда, долина слишком огромна, и отыскать кого-то там нереально.

— Слушай, Яцин, а с кем Яфэй туда отправилась?

— С Хуашан Муянем, — небрежно бросила Яцин.

— Ох, ладно уж...

На душе скребли кошки, хотя было отрадно, что у Хуашан Муяня имелись реальные навыки. Но мысль о том, что Яфэй окружает другой мужчина, вызвала глухое раздражение.

— Му Сяньчэнь, неужто ты ревнуешь?

Ха-ха, за физиономией ревнующего Му Сяньчэня было чрезвычайно забавно наблюдать.

— Яцин, слушай сюда: отныне, куда бы она ни пошла, ты обязана следить за Яфэй! Тьфу, вот вернется — я с ней еще поговорю!

— Без твоих указаний знаю. Пф, скорее уж сестричка Яфэй с тобой разберется, ты всё равно ей не ровня в драке.

Яцин закатила глаза. Если бы не запрет Яфэй, она ни за что не осталась бы здесь нянчиться с этим самовлюбленным нарциссом!

— С чего это тебе так уперлось караулить ее? Нравится тебе Бай Яфэй — вот и топай следить за ней сам! Чего к Яцин пристаешь?

В глубине души он люто, тысячекратно ненавидел саму мысль о том, чтобы Яцин и Яфэй были вместе. Пусть даже было очевидно, что Яцин равнодушна к Бай Яфэй. Но... всё равно не хотелось, чтобы они сближались, лучше бы вообще не пересекались!

— Му Чэньюэ, ты какую муху проглотил? Какого черта тебе сдалось, с кем я нахожусь?

Этот тип в последнее время точно с катушек съехал! Стоило ей заговорить о Яфэй, как он тут же влезал в разговор. Стоило ей сунуться к Му Сяньчэню, как этот парень без всяких церемоний вклинивался между ними — точь-в-точь как сейчас.

— Яцин, ты — моя.

Игнорируя яростные окрики, Му Чэньюэ опустил обе руки на плечи Яцин.

— Твоя разве что нечистая сила, ненормальный!

Яцин в очередной раз безжалостно сбила его руки вниз.

— Му Яцин! Му Чэньюэ! Если хотите ворковать — валите отсюда в гостиную!

У Му Сяньчэня назревал приступ ярости.

— Серебряная змея, змейка ты этакая, ну где же ты прячешься? Люди всего-то хотят получить от тебя капельку яда да желчный пузырь, чего ты такая жадина, вылезай по-хорошему! Будь добра, покажись.

Яфэй обшаривала окрестности, размахивая травинкой.

Обыскав всю сухую землю и не обнаружив ничего, кроме старой змеиной кожи, подтверждавшей присутствие здесь рептилий (причем неизвестно, сколь древней была эта шкура), они так и не увидели живой змеи. Сколько же времени уйдет на поиски, если дело так пойдет дальше?

— Ничего не поделаешь, придется лезть в воду.

Потратив целый день впустую и так и не выманив змею, Муянь со вздохом произнес эти слова.

— Уже поздно, лезть в воду сейчас слишком опасно, думаю, придется дожидаться завтрашнего утра.

Шел уже пятнадцатый день. Если после завтрашнего дня ничего не найдется, ей придется искать другие варианты. Яфэй уже обошла три предполагаемые точки, и из всех них эта казалась наименее вероятной для обитания серебряной змеи.

Они рассыпали вокруг защитный слой серы и поставили палатку. Съестные припасы почти

подошли к концу — их оставалось максимум на два дня. Иными словами, если за завтрашний и послезавтрашний день серебряная змея не найдется, ей придется срочно добывать пищу самостоятельно.

Пятнадцатый день?

— Что бы ни случилось этой ночью, ни в коем случае не заходи в мою палатку.

Это были последние слова Муяня перед тем, как он скрылся в своем жилище.

— Что это еще значит?

Яфэй осталась в недоумении. К несчастью для него, она принадлежала к тем людям, кто докопается до самой сути. Раз он велел не смотреть — она непременно подглядит.

Под фиолетовым куполом палатки его зрачки медленно меняли цвет. От бледно-лилового до глубокого пурпурного, превращая привычно-отстраненный облик в нечто чарующе-гипнотическое.

Муянь сидел, скрестив ноги. Глаза потемнели до лилового оттенка, после чего он сомкнул веки. Лицо стремительно бледнело. Вдоль правой руки что-то непрерывно извивалось под кожей — зрелище жуткое и неестественное.

— Это гу... Застилающий Глаза Гу.

— Кха...

Из груди Муяня вырвался глухой стон. Прошло всего две минуты, а лоб уже покрылся градом пота. Сразу после этого между указательным и средним пальцами Муяня заструились капли ярко-алой крови.

Тело мужчины слегка задрожало.

— Муянь, почему ты раньше не говорил, что этот чертов гу причиняет такие муки?

Алый паразит продолжал бесноваться под кожей его руки. Эта агония длилась очень долго.

Наконец Муянь открыл глаза. Радужка по-прежнему отливала глубоким фиолетовым. Однако взгляд внезапно обрел резкость и фокус.

— Надеюсь, завтра удастся найти серебряную змею на дне озера.

Маленькая змейка выглянула из его рукава, и Муянь легко улыбнулся ей.

— Муянь, что ты только что делал?

Интуиция подсказывала, что дело нечисто. Внутренний голос нашептывал: всё, что он только что проделал, касалось его зрения. Ибо теперь его глаза выглядели так, словно мир вновь обрел четкие очертания.

— Я знал, что твое любопытство заставит тебя подсмотреть.

Муянь не собирался ничего скрывать.

— Мои глаза прозревают лишь один день в месяц. Чтобы продлить это время хотя бы на сутки, приходится терпеть боль. До того момента, как зрение должно было восстановиться естественным путем, оставалось полмесяца, я просто приблизил этот срок.

— Выходит, ради помощи в моих поисках ты пошел на такие муки?

Яфэй не любила быть кому-то обязана. По-настоящему не любила!

— Это был мой собственный выбор.

— Хуашан Муянь, мы знакомы всего полмесяца. Зачем ты так калечишь себя? Пусть я толком не знаю масштабов этого вреда, но уверена: плата огромна.

— Пусть мы знакомы всего полмесяца, но я предпочел бы причинить боль себе, лишь бы снова увидеть тебя. С самого первого дня я догадывался, что женщина твоей яркости легко меня очарует. Поначалу я избегал сближения, потому что не хотел влюбляться. Но сейчас... я жажду взглянуть на тебя хотя бы раз. Твой острый ум, твои навыки, твой характер — всё в тебе неотразимо.

— Хуашан Муянь...

Яфэй крепко обняла его.

— Зачем ты объявился именно сейчас и говоришь такие слова? Разве я не предупреждала, что больше никому не верю? Предательство Оу Цзэжуя отбило у меня охоту верить людям, а тем более — в так называемую любовь. Я хочу, чтобы между нами была лишь дружба. Чистая дружба.

— Ничего страшного, я ведь тоже еще не полюбил тебя. Но я хочу полюбить. И надеюсь, что,

когда это случится, ты ответишь мне взаимностью.

— Всё, что ты сейчас делаешь, я могу назвать лишь словом «трогательно».

— Я знаю. Раньше мне казалось, что я разучился улыбаться, и ненавидел саму улыбку. Но рядом с тобой по-другому просто нельзя.

— Хуашан Муянь, я открываю свою настоящую сущность лишь считанным людям.

— Не знаю, сколько времени мне понадобится, чтобы полюбить тебя, но, кажется, я уже начал испытывать к тебе слабость.

Мало кто обращался к нему по имени и фамилии одновременно, но Яфэй делала это с особым вкусом, неизменно произнося: Хуашан Муянь.

— Не будь в моей жизни Оу Цзэжуня, возможно, я полюбила бы тебя первой.

В душе она уже почти вычистила образ Оу Цзэжуя до блеска, но разве могло сердце Бай Яфэй захлопнуться так плотно, если бы ей не причинили боль?

— Хуашан Муянь, о, Хуашан Муянь... В конце концов, я всё же надеюсь, что ты не полюбишь меня. Давай останемся просто друзьями.

— Муянь, кто-нибудь говорил тебе, что у тебя потрясающие глаза?

Ночью глаза Хуашан Муяня казались зловеще-чарующими, но теперь, утром, этот чарующий оттенок не исчез. За исключением глаз Цзи Юйянь, это были самые красивые глаза на ее памяти.

— И что с того? В конце концов, они всё равно слепые.

Что бы он ни говорил, тон Муяня оставался ровным, без малейших эмоциональных всплесков.

— Муянь, я исцелю твои глаза в будущем. Этот паразит внутри тебя не сможет долго хозяйничать.

— Способ избавиться от этого яда я нашел давным-давно, — горько усмехнулся Муянь.

— Нашел?! Тогда почему ты не вылечишься?

— Достаточно просто отрубить мне правую руку. Если ты хочешь, чтобы мои глаза видели, я могу ее отсечь.

Он сам чувствовал беспомощность перед этой напастью: то жаждал прозреть, то подумывал ампутировать руку, но так и не решился на этот шаг.

— Ты сошел с ума. Я не позволю тебе этого сделать. Способ найдется, обязательно найдется.

Она не допустит, чтобы ради какого-то ничтожного гу он лишился руки.

— Это серебряная змея. В воде серебряная змея!

Он точно не мог ошибиться — такие чешуйки бывали только у серебряных змей. Более того, если зрение не подвело, это был самец. Обычно чешуя серебряной змеи довольно мягкая, но та, что он разглядел, казалась нерушимо-прочной.

— Муянь, держи.

<http://bllate.org/book/22031/2290423>